

УДК 342.7; 39(=511)

И.А. Ширманов

Восстановительное правосудие у коренных народов Обского Севера (конец XIX – начало XX века)

Аннотация. В статье рассматривается вопрос применения обычного права и принципов восстановительного правосудия у ханты и ненцев (в том числе – в первые годы Советской власти), приводятся примеры из редких источников. Отдельные фрагменты статьи посвящены взаимодействию обычного и советского права на судебные решения 20-х годов XX века. При исследовании исторических памятников права, а также судебных решений и литературных произведений, можно выявить неявные человеческие ориентации; раскодировать сокрытый в источниках интеллектуальный и духовный опыт предыдущих поколений, преодолеть разграничительные линии между официальной и неофициальной историей; между историей идей и текстов; между содержанием текста и контекста.

Ключевые слова: коренные народы, восстановительное правосудие, обычное право, позорящие наказания.

I.A. Shirmanov

Restorative justice among the indigenous peoples of the Ob North (end of XIX – beginning of XX century)

Summary. The article deals with the issues of common law and principles of restorative justice among the Khanty and Nentsy (including the period of establishment of Soviet power). The author gives examples from rare sources. Some fragments of the article are devoted to the interaction between common and Soviet law on the judicial decision of the 1920s. In the study of historical monuments of law, judicial decisions and literary works we can identify the implicit human orientation; decode the intellectual and spiritual experience of previous generations hidden in the sources; overcome the dividing line between the official and unofficial history, history of ideas and texts, between text and context.

Keywords: indigenous peoples, restorative justice, common law, defamatory punishment.

Система нравственных и правовых запретов, понятий «проступок», «преступление», «принуждение» и «наказание» вырабатывается в ходе исторического развития каждого этноса, но вместе с тем она имеет и общечеловеческие основы. Любой этнос с целью самосохранения стремится установить преграды для ограничения желания индивидуума поставить свои интересы выше интересов этнической общности. При этом важную роль всегда играли системы обычного права¹ [1, 2, 3, 4, 5, 6]. Не являются исключением и малочисленные северные (угро-финские) народы Приобья. Ни в коей мере не умаляя важности и необходимости изучения объективных и обезличенных процессов в развитии социальной жизни общества (включая и его правовую сферу),

не стоит забывать и об изучении индивидуальных проявлений социального и правового бытия. К их числу можно отнести исторические документы, не являющиеся артефактами так называемой «высокой культуры», т.е. культуры интеллектуального меньшинства. На взгляд юриста, важными источниками, позволяющими познать ментальность того или иного этноса, являются судебные документы. Осознавая это, автор сделал попытку исследования проявлений «восстановительного правосудия» в обычном праве обских угров в конце XIX – начале XX века. Источниками при изучении вопроса явились: «Обдорской управы книга для записи приговоров по тяжбам, спорам и проступкам инородцев (1881–1901 гг.)»²

¹ Обычай и обычное право в отечественной литературе трактуется по-разному, литература по этому вопросу весьма обширна, поэтому укажем лишь некоторые источники.

² «Книга» была издана в советское время как цельный самостоятельный источник. Автор в настоящей статье не ставил перед собой задачу детального историко-юридического анализа этого интересного источника; выбранные решения приводятся как примеры, подтверждающие его взгляд на элементы восстановительного правосудия у обских угров.

[7] (далее – «Книга»), этнографические очерки известного исследователя Тобольского Севера А.А. Дунина-Горкавича [8, 9], работы советских (российских) ученых М.Б. Шатилова [10] и В.А. Зибарева [11], сборник документов «Судьбы народов Обь-Иртышского Севера [12].

Несмотря на то, что история человечества отличается большим разнообразием социальных структур и обычаев, для общинного правосудия характерны одинаковые черты, охватываемые понятием «восстановительное правосудие». Его основная цель состоит не в наказании, не в причинении страдания или ущерба виновному, а в примирении, в максимальной компенсации потерпевшему причиненного ущерба. А.А. Дунин-Горкавич в начале XX века таким образом описывал процесс судебного разбирательства у казымцев. «В юрты собираются все мужчины и усаживаются по своим местам. Заявляющий жалобу подходит к старшине, кланяется ему, целует у него руку и начинает жалобу такими словами: «Разве можно так делать? А? Разве делают так, как вот меня избили или выругали?.. И дальше потерпевший излагает обстоятельства самого дела, показывая при этом вещественные доказательства. Старшина спрашивает: «Кто так обидел тебя? Какой такой дурак? Выходи, на кого он жалуется!». Если обвиняемый не выходит, то тогда сам обвинитель указывает на него. Тот выходит и всегда сознается, хотя и ссылается на смягчающие его вину обстоятельства. Происходит опрос свидетелей. Когда степень вины в достаточной мере выяснилась, старшина обращается к народу с такими словами: «Вот это худое дело; за это следует наказать. Так, ведь, народ?». «Так, так», – отвечают ему. Старшина постановляет приговор и присуждает виновного к известному наказанию, которое обыкновенно состоит или в вознаграждении потерпевшего деньгами или в выражении виновному порицания и выговора, или в присуждении его к нескольким ударам по щекам. Приговор приводится в исполнение сейчас же. Для этого десятник выводит обвиняемого на середину избы; воцаряется молчание; все встают на ноги. Десятник становится перед обвиняемым на близком расстоянии и приводит приговор в исполнение: если обвиняемому присуждено выразить порицание, десятник ругает его – раз пять или шесть; если же он присужден к телесному наказанию, то десятник дает ему положенное количество пощечин.

По исполнении приговора виновный подходит к старшине, молится около него Богу, и вслух заявляет, что больше так поступать он не будет, причем кланяется в ноги старшине. Старшина при этом проводит крестообразно по его спине, то же самое делает и потерпевший. Розгами в Казымской волости не наказывали никого» [12, 40–41].

В этом небольшом примере хорошо видны все характерные элементы восстановительного правосудия: общественное одобрение приговора присутствующими; компенсация причиненного ущерба деньгами или иными ценностями; символический и/или позорящий характер насилия (пощечины, ругань виновного); символическое прощение проступка обществом после публичного раскаяния (крестообразный жест старшины над спиной виновного, обещавшего более не нарушать порядок); символическое прощение проступка потерпевшим (такой же жест, как и у старшины).

В советской литературе иногда указывалось на жестокость наказания по обычному праву северных народов (в частности розгами) без учета фактических обстоятельств и особенностей восприятия наказания самим наказанным и его окружением. «Традиционный суд народностей Севера во многих отношениях был несовместим с советской судебной политикой. Он не обеспечивал защиты интересов беднейшего населения и прав женщин, нередко принимал форму единоличной судебной расправы старшин и князьков, сопровождался проявлениями дикости и жестокости (порка розгами, оплевывание виновного и т.п.)» [11, 232]. Вряд ли можно согласиться с этим в полной мере, но стоит отметить проявление в этом фрагменте неравенства с точки зрения «классовых интересов» («защиты интересов беднейшего населения»).

Дореволюционные исследователи указывали на отсутствие жестокости и символичность позорящих наказаний.

А.А. Дунин-Горкавич писал, что «телесное наказание у инородцев не бывало жестоким, но считалось позорным, и, при взаимных ссорах, наказанного таким путем нередко укоряли розгами; впрочем подобные укоры, в свою очередь, влекли за собой наказание» [9, 61].

Тема позорящих наказаний выходит за рамки настоящей работы, но необходимо обратить внимание на два обстоятельства: несмотря на явно позорящий момент при наказании и

публичность исполнения, после этого общество накладывало запрет на упреки наказанного — он прощался потерпевшим и обществом и вновь становился его полноправным членом. Наказанию розгами формально могли подвергаться и женщины, но фактически оно вряд ли применялось: «в случае их беременности, как и вообще в случае болезни провинившегося, исполнение наказания откладывается до выздоровления» [9, 61].

«Обдорской управы книга для записи приговоров по тяжбам, спорам и проступкам инородцев» представляет собой протоколы судебных заседаний и решений Обдорской самоедской и Обдорской остяцкой инородных управ, ведшихся в течение 20 лет. В.А. Зибарев, исследовавший этот источник указывает: «Судебная книга» Обдорской управы была специально предназначена для записи судебных дел. Все листы ее разбиты типографским способом в длину на графы: номер по прядку, год, месяц и число вынесения приговора, время составления приговора и содержание его, когда и кому приговор выдан или куда отправлен. Всего в книге 150 листов, из них заполненных — 140. Все они пронумерованы, прошнурованы и скреплены печатью... это единственный в своем роде источник, информация которого не может ничем заменена, а ее значение для исследования юридического и общественного в целом строя этих бесписьменных племен... трудно переоценить» [11, 9–10].

В «Книге» были зафиксированы приговоры и решения за период с 1881 по 1901 годы, всего 144 записи, из них 3 не судебного характера и 4 касаются дел рассмотренных повторно. «По характеру преступлений все дела, по которым вынесены решения (129 дел), делятся на две группы: уголовные — 94 (72%) и гражданские — 35 (28%)» [11, 13].

Надо особо отметить, что ни по одному из них фактически не была наказана женщина. Редкий случай в истории мировой правовой культуры: у обских угров за супружескую неверность женщины подвергались более легкому наказанию (по сравнению с мужчинами). Во всем мире традиционно мужская неверность наказывается более легко, либо не наказывается совсем, и это хорошо просматривается в исторических и правовых источниках, этнографических материалах.

А.А. Дунин-Горкавич, в начале XX века изучавший «Книгу», указывал на два случая.

«1. По делу о незаконном сожителе замужней остячки с остяком, в чем виновные сознались, суд постановил: за незаконное сожителство с чужой женой и за разврат в семейной жизни наказать виновного 5 ударами розог, а виновной сделать выговор при сборе инородцев, с предупреждением, чтобы она впредь этого не делала. 2. По делу о незаконном сожителстве замужней самоедки с самоединым (некрещеным), в чем виновные сознались, суд постановил: наказать виновного 20 ударами розог, а виновной сделать в присутствии инородцев выговор, с предупреждением не позволять себе больше этого делать» [9, 41]. Возможно, что эти примеры, имеющие бытовой, практический характер, покажутся малоубедительными, но и в современных условиях отношение ханты к проявлениям женской супружеской неверности сохраняет черты мягкости, не свойственной многим этносам.

Прежде чем перейти к анализу отдельных решений, зафиксированных в «Книге», сделаем небольшое отступление, касающееся интерпретационных целей применительно к этому историческому источнику. Безусловно, те, кто в конце XIX — начале XX века, руководствуясь нормами обычного права, выносили судебные решения, не формулировали ни идей, ни целей восстановительного правосудия, и они даже не задумывались над такой возможностью.

Но современный исследователь, находясь в иной точке эволюционного пространства, имеет возможность воспринимать исторический источник в контексте всей породившей его общей и правовой культуры обских угров, соприкоснувшейся с культурой русских, татар и других этносов Сибири. При этом надо также иметь в виду активное воздействие контекста эпохи на обычное право и правосознание аборигенов: официального нормотворчества Российской империи в период XVIII–XIX веков. Перефразируя известную мысль Френсиса Фукояма о том, что культура — это унаследованные этические привычки, можно сказать, что правовая культура обских угров — это унаследованные правовые привычки и правовые обычаи предков. Поэтому необходимо рассматривать ход и результат судебных процессов по нормам обычного права, как разновидность социального действия, обусловленного социаль-

ным контекстом, опосредствованного символами и партнерами (исследование символики и ритуалов правосудия обских угров выходит за рамки настоящей статьи).

Смысл и цели человеческого поведения можно искать не только в таких исторических источниках, как автобиографии, дневники, воспоминания, но в судебных процессуальных актах. Анализ решений, изложенных в «Книге», а также их интерпретация, проведенная с учетом этих факторов, приводит к любопытным выводам, подтверждающим применение идей восстановительного правосудия.

Наиболее часто в «Книге» фиксировались проступки и наказания, касающиеся нарушения частной собственности (в основном – кражи оленей). На них приходится 38 краж из 64 и 9 случаев присвоения из 10 [11, 13]. Обычное решение состояло: наложение обязанности возместить ущерб от кражи, иногда – возместить расходы на поиски похищенного, при этом примерно в каждом четвертом случае не накладывалось никакого физического наказания. У Дунина-Горкавича имеется подсчет проступков и наказаний: «Из 62 случаев кражи в 31 случае было применено наказание розгами от 10 до 50 ударов; в 9 случаях потерпевший, кроме отмищения похищенного, был еще вознагражден; в 11 случаях виновный, кроме наказания розгами присужден был к вознаграждению потерпевшего; в 2 случаях приговорен к аресту; в 5 случаях наказание наложено не было; в 1 – дело кончилось мировой сделкой; в 2 случаях обвиняемые оправданы, причем в одном из этих случаев оправданный оставлен в сильном подозрении. Кроме этого, в 1 случае (№ 50) результаты дела, за неимением в книге данных остаются неизвестными» [9, приложение 5, 41]. «Наиболее отличительной чертой установившегося среди инородцев обычного права является идея возмездия. В каждом деле внимание судьи обращается не столько на проступок, как на проявление воли, остающейся иногда совершенно не наказанной, сколько на то, чтобы признанный виновным понес такие же убытки, какие он причинил потерпевшему» [9, приложение 5, 42].

В этом наблюдении талантливое ученого явно выражена специфика обычного права и элементы восстановительного правосудия: главное – восстановление справедливости, а не исполнение материальных норм. Именно

поэтому санкции не носят твердо установленного характера, в то время как соблюдение процедуры является обязательным. Характер санкций, мера принуждения, отказ от наказания, проявления взаимосвязи права и морали, позволяют лучше понять «видимое» и «невидимое» в обычном праве обских угров, уяснить действия обычного и официального права в обеспечении целостности социума нормированием поведения его членов.

Приведем несколько решений из «Книги», иллюстрирующих основную идею – возмещение причиненного вреда.

Запись № 22: «1888 года, января 14 дня старшины Тен Седлеев и Паильдин производили разбирательство по претензии остяков Сеуи и Петра Мошкина. Обстоятельства дела следующие. Летом 1887 г. во время пастбы оленей в тундре олени Сеуи смешались с оленями самоедина Везоко Худина и в стаде Везоко осталось оленей, принадлежащих Сеуи, 6 шт. и Петру Мошкину – 1 олень, и остяку Тиголь – 1 олень.

При спросе Везоко в удержании этих оленей не сознался. При осмотре в стаде его оленей оказалось из означенных 8 оленей 4 оленя, у которых переклеймены уши на клеймо Везоко.

Это обстоятельство составляет совершенное доказательство, чтобы признать Везоко виновным в удержании у себя 8 оленей, принадлежащих Сеуи, Мокшину и Тиголь.

А потому постановили: обязать Везоко возвратить означенным лицам вместо 6 оленей 16 оленей. В случае упорства Везоко отобрать (оленей) через посланных лиц» [7, 44–45].

Запись № 24: «1888 года, января 20 дня самоедский старшина Тен Седлеев производил разбирательство по заявлению остяков Андрея Черасхова (Комара) и Ивана Тайшина (Халгана) о покраже у первого 1 оленя и последнего – оленей упряжи на 3 оленей, тынзяня, шеста и постели самоединым Архангельской губернии Федосеем Хатанзеевым.

При спросе Хатанзеев в краже этой сознался и согласился добровольно уплатить Комару за покраденного оленя 15 руб., возвратив ему шкуру и мясо убитого оленя, и в пользу Халганы – 1 оленя.

Хатанзеев при спросе объяснил, что на покражу эту он был вызван задержанием у него Халганой тынзяня.

Во внимание чистосердечного его признания старшина Тен постановил: взыскать с

Хатанзеева в пользу Комара 15 руб. и в пользу Халганы 1 оленя, обязав последнего возвратить тынзан Хатанзеева.

Старшина Тен. И.Д. писарь Ямзин. Решение нам объявлено, которым довольны: Хатанзеев, Комар, Халгана» [7, 45–46].

Через десятилетия другой ученый – М.Б. Шатилов – фиксировал сохранение и применение норм обычного права и элементов восстановительного правосудия у ваховских остяков. «Весьма существенными признаками, характерными для родового быта, являются сохранившимися до сего времени (1926 г.) родовое управление (несколько измененное свыше), родовой суд и некоторые нормы обычного права» [10, 134]. В примечании на этой же странице указано: «Настоящие сведения о родовом управлении относятся к 1926 г. Летом 1928 г. эти начала родового управления санкционированы советской властью, а именно: на основании Временного положения об управлении туземных племен северных окраин РСФСР от 26 окт. 1926 г. по Ваху вводится родовое туземное управление; образуется Лариакский Туземный Районный Исполнительный Комитет (ТузРИК) и четыре родовых сельских совета: Прасинский, Корельковский (Прасины верхнего Ваха), Натуськинский и Сегельетовский» [10, 134].

Исследователи этого периода фиксировали нежелание северных народов обращаться за защитой своих прав в советские суды. «Хотя остяки и имеют право обращаться непосредственно в народный суд в общем порядке, но это встречается чрезвычайно редко. Так, по нашим сведениям, у нар. судьи Александровского района было всего два дела ваховских остяков (и те с низовья Ваха) за весь 1926 год. Обязательная сила судебных решений для сторон заключается в особенностях всего уклада жизни остяков с сильными родовыми пережитками, в его психологии, сознании остяка в непреложности приговора, воли народного собрания – «ике». Приведение в исполнение приговора здесь не требует каких-либо принудительных действий со стороны власти, здесь не требуется судебный исполнитель, его заменяет правосознание остяка» [10, 137]. «Мерой наказания... являются: общественное порицание – «поругание», штраф до 20 белок, арест при сельсовете на 3 дня и выселение из юрт [10, 139].

Виновным обычно признается тот, кто положил начало тому или иному явлению, кто на-

чал ссору, драку, но иногда в таких случаях накладываются, смотря по обстоятельствам дела, и обе стороны. При нанесении побоев, увечий, раны, кроме наказания, виновный обычно должен материально компенсировать пострадавшего в форме уплаты ему за причиненный вред и на лечение в уплату шаману. При обсуждении дела учитывается не только голый факт преступления, но и та или иная степень напряжения злой воли преступника» [10, 139].

Восстановительное правосудие по нормам обычного права продержалось еще несколько лет даже после установления на Севере Советской власти и замены правовых обычаев нормами советского права. Вот несколько примеров из работы В.А. Зибарева. Суд рассматривал дело о похищении жены. Бывший муж требовал с похитителя двух оленей, составлявших калым, а последний отдал только одного. Суд, считая калым противозаконной сделкой, не только не удовлетворил иск, но признал за новым мужем право взять оленя обратно. Решение суда противоречило обычаю. Истец и ответчик, признав, что суд «ничего не понимает и не умеет разобраться в наших делах», помирились, а олень был оставлен у истца. Во втором случае рассматривалось дело о возвращении двух оленей, отданных шаману за лечение. Поскольку лечение не помогло, истица потребовала оленей обратно. Советская власть квалифицировала подобные дела как «мошеннические проделки шаманов», но стороны так не считали. Суд, исходя из обычаев, решил оставить оленей шаману, но просил его вернуть одного оленя ввиду бедности истицы [11, 234].

В.А. Зибарев, касаясь взаимовлияния обычного и советского права, отмечал, что суды в вопросе о калыме прошли сложную эволюцию, начав с удовлетворения исков о возвращении калыма и закончив ее преследованием виновных в применении этого обычая в уголовном порядке. «Многие решения судов по делам такого рода представляли собой типичный компромисс между обычаем и советским правом. Суды принимали решения о возврате половины калыма... или налагали штраф в размере стоимости калыма... без применения других мер воздействия» [11, 254].

Автор указывал, что значительное количество дел по традиционным спорам закан-

чивалось примирением сторон. «Являясь, по-видимому, отражением какой-то давней традиции, примирение тяжущихся лиц особенно широко практиковалось в самом начале работы туземных Советов и райисполкомов. Прекращенные таким образом дела составляли в 1928 г. у большеземельских ненцев одну треть, а у тазовских ненцев – две трети всех возбужденных дел» [11, 254–255]. Даже внедрение в практику туземных судов учета классовых различий не всегда давало нужный результат в преодолении идей восстановительного правосудия. В.А. Зибарев писал: «Защита судами интересов бедноты, эксплуатируемой богачами сородичей, воспитывала у трудящихся классовое самосознание, способствовала изжитию патриархальных взглядов. Однако классовая политика проводилась еще непоследовательно. Часть дел между нанимателями и работниками кончалась примирением сторон или обещанием хозяина произвести расчет. Шурышкарский хантыйский Совет удовлетворял иск хозяина к батраку, который якобы получил за работу больше, чем следовало. Но такие ошибки постепенно исправлялись. Суды при разборе дел все чаще учитывали классовую принадлежность людей» [11, 250]. Вполне обоснован был и вывод автора о том, что «по содержанию деятельности суд совет-

ских органов малых народностей все более отдалялся от традиционного суда, сближаясь по многим позициям с народным судом» [11, 254].

Подводя итог можно сказать, что при исследовании исторических памятников права, а также судебных решений и литературных произведений (в том числе этнографических очерков), можно выявить неявные человеческие ориентации; раскодировать сокрытый в источниках интеллектуальный и духовный опыт предыдущих поколений, преодолеть разграничительные линии между официальной и неофициальной историей; между историей идей и текстов; между содержанием текста и контекста. За сознательно сформулированным посланием, ограниченным своей конкретикой и целями реализации, можно выявить широкий смысловой уровень, о котором возможно не задумывались те, кто порождает тексты. В этой части автор отсылает читателя к другим публикациям [13, 14, 15, 16].

Задачей правовой науки является разработка предложений для ликвидации пробельности современного законодательства. На этом пути, при условии непротиворечивости действующему федеральному и региональному законодательству, возможна частичная рецепция норм религиозного, обычного и регионального права. Исторический опыт поможет найти пути и способы учета норм обычного права.

Литература

1. Гальперин С. Очерки первобытного права. СПб., 1893.
2. Харузин Н.Н. Очерки первобытного права. М., 1898.
3. Валеев Д.Ж. Обычное право и начальные этапы его генезиса // Правоведение. – 1974. – № 6.
4. Покровский И.А. История римского права. СПб., 1998.
5. Синицина И.Е. Обычай и обычное право в современной Африке. М., 1978.
6. Семенов Ю.И. Основные понятия обычного права: возникновение и развитие // Юридическая антропология. Закон и жизнь. М.: ИД «Стратегия», 2000.
7. Обдорской управы книга для записи приговоров по тяжбам, спорам и проступкам инородцев (1881–1901). Из истории обычного права и суда обдорских ненцев и хантов конца XIX – начала XX в. Томск: Издательство Томского университета, 1970.
8. Дунин-Горкавич А.А. Тобольский Север. Этнографический очерк местных инородцев. Тобольск, 1911. Т.II. Цитируется по: Судьбы народов Обь-Иртышского Севера (Из истории национально-государственного строительства. 1822–1941 гг.). Сборник документов. Тюмень, 1994.
9. Дунин-Горкавич А.А. Тобольский Север. В 3 т. Т. 3. Этнографический очерк местных инородцев. М.: Либерия, 1996.
10. Шатилов М.Б. Ваховские остяки: Этнографические очерки. Тюмень: Изд. Ю. Мандрики, 2000.
11. Зибарев В.А. Советское строительство у малых народностей Севера (1917–1932 гг.) Томск: Изд. Томского университета, 1968.

12. Судьбы народов Обь-Иртышского Севера (Из истории национально-государственного строительства. 1822–1941 гг.). Сб. документов. Тюмень, 1994.
13. Валиуллина А.Р., Ширманов И.А. Обычное право народов обского Севера XVIII–XIX вв. Проблемы источников // Деятельностное понимание культуры как вида человеческого бытия: материалы I Международной научной конференции (Нижевартовск, 17–18 декабря 2003 г). Ч. 1. Нижневартовский государственный педагогический институт, 2003. С. 192–194;
14. Семерьянова Н.А., Ширманов И.А. Проблемы взаимодействия закона и обычного права на российском Севере // I Конгресс «Северная цивилизация: становление, проблемы, перспективы»: материалы. 10–11 июня 2004 г. / Сургут. гос. ун-т. Сургут: Изд-во СурГУ, 2004. С. 125–128.
15. Ширманов И.А. Применимость обычая как источника права: международные нормы и российское федеральное законодательство // Наука и инновации XXI века: материалы V открытой окружной конференции молодых ученых, Сургут, 27–28 ноября 2003 года: в 2 т. / Сургут. госуниверситет. Сургут: Издательство СурГУ, 2004. Т. 2. С. 13–17; http://www.jurant.ru/ru/publications/reindeer_disc/round_table/shirmanov.html.
16. Ширманов И.А. Применимость обычного права в современных условиях // Этнографическое обозрение. – 2005. – № 5. – С. 29–31.

References

1. Gal'perin S. Ocherki pervobytnogo prava. SPb., 1893.
2. Haruzin N.N. Ocherki pervobytnogo prava. M., 1898.
3. Valeev D.Zh. Obychnoe pravo i nachal'nye jetapy ego genezisa // Pravovedenie. – 1974. – № 6.
4. Pokrovskij I.A. Istorija rimskogo prava. SPb., 1998.
5. Sinicina I.E. Obychaj i obychnoe pravo v sovremennoj Afrike. M., 1978.
6. Semenov Ju.I. Osnovnye ponjatija obychnogo prava: vzniknovenie i razvitie // Juridicheskaja antropologija. Zakon i zhizn'. M.: ID «Strategija», 2000.
7. Obdorskoj upravly kniga dlja zapisi prigovorov po tjazhbam, sporam i prostupkam inorodcev (1881–1901). Iz istorii obychnogo prava i suda obdorskih nencev i hantov konca XIX – nachala XX v. Tomsk: Izdatel'stvo Tomskogo universiteta, 1970.
8. Dunin-Gorkavich A.A. Tobol'skij Sever. Jetnograficheskij ocherk mestnyh inorodcev. Tobol'sk, 1911. T.III. Citiruetsja po: Sud'by narodov Ob'-Irtyskogo Severa (Iz istorii nacional'no-gosudarstvennogo stroitel'stva. 1822–1941 gg.). Sbornik dokumentov. Tjumen', 1994.
9. Dunin-Gorkavich A.A. Tobol'skij Sever. V 3 t. T. 3. Jetnograficheskij ocherk mestnyh inorodcev. M.: Liberija, 1996.
10. Shatilov M.B. Vahovskie ostjaki: Jetnograficheskie ocherki. Tjumen': Izd. Ju. Mandriki, 2000.
11. Zibarev V.A. Sovetskoe stroitel'stvo u malyh narodnostej Severa (1917–1932 gg.) Tomsk: Izd. Tomskogo universiteta, 1968.
12. Sud'by narodov Ob'-Irtyskogo Severa (Iz istorii nacional'no-gosudarstvennogo stroitel'stva. 1822–1941 gg.). Sb. dokumentov. Tjumen', 1994.
13. Valiullina A.R., Shirmanov I.A. Obychnoe pravo narodov obского Севера XVIII–XIX vv. Problemy istochnikov // Dejatel'nostnoe ponimanie kul'tury kak vida chelovecheskogo bytija: materialy I Mezhdunarodnoj nauchnoj konferencii (Nizhnevartovsk, 17–18 dekabrja 2003 g). Ch. 1. Nizhnevartovskij gosudarstvennyj pedagogicheskij institut, 2003. S. 192–194.
14. Semer'janova N.A., Shirmanov I.A. Problemy vzaimodejstvija zakona i obychnogo prava na rossijskom Severe // I Kongress «Severnaja civilizacija: stanovlenie, problemy, perspektivy»: materialy. 10–11 ijunja 2004 g. / Surgut. gos. un-t. Surgut: Izd-vo SurGU, 2004. S. 125–128.
15. Shirmanov I.A. Primenimost' obyčaja kak istochnika prava: mezhdunarodnye normy i rossijskoe federal'noe zakonodatel'stvo // Nauka i innovacii XXI veka: materialy V otkrytoj okružnoj konferencii molodyh uchenyh, Surgut, 27–28 nojabrja 2003 goda: v 2 t. / Surgut. gosuniversitet. Surgut: Izdatel'stvo SurGU, 2004. T. 2. S. 13–17; http://www.jurant.ru/ru/publications/reindeer_disc/round_table/shirmanov.html.
16. Shirmanov I.A. Primenimost' obychnogo prava v sovremennyh uslovijah // Jetnograficheskoe obozrenie. – 2005. – № 5. – S. 29–31.